

ЛЕВ И ЛИСИЦА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СУЛЛЫ В ВОЙНЕ С МАРИАНЦАМИ

Сулла был, по справедливой оценке В. Шура, «крупнейший политический талант своего поколения»¹. Свои способности политика и дипломата он продемонстрировал еще во время Югуртинской, а позднее и Митридатовой войны. Весьма пригодились они ему и в ходе решающей схватки с марианцами в 83—82 гг.², особенно если учесть, что соотношение сил в начале ее было крайне неблагоприятным для него. Об этом писали немало (к сожалению, почти исключительно за рубежом). Однако некоторые факты так и не получили объяснения, с интерпретациями же других трудно согласиться, что и послужило претким movens предлагаемой работы.

Идеологическое обоснование. В 84 г. Сулла отправил в Италию послание с перечислением своих полководческих заслуг начиная с Югуртинской и кончая Митридатовой войной³. Он гордится тем, говорилось в письме, что предоставил убежище бежавшим от произвола Цинны и Мария и облегчил их бедствия (см.: *Vell.* II.23.3; *Oros.* V.20.1; *Eutr.* V.7.3). В награду за это политические противники объявили его врагом, разрушили его дом, убили его друзей, его жена и дети еле спаслись бегством. «Теперь он немедленно явится на помощь Риму и отомстит врагам за все ими содеянное. Всем прочим гражданам, в том числе и новым, Сулла обещал наперед полное прощение» (*App. BC.* I.77).

Неудивительно, что столь «многообещающее» послание вызвало в Риме однозначную реакцию — «всех обуял страх (δέος)». Принцепс сената Луций Валерий Флакк произнес речь, в которой выступил за переговоры с Суллой⁴. *Patres* отправили к Сулле посольство, которое должно было примирить его с врагами, предлагая ему известить сенат, если он нуждается в обеспечении безопасности. Консулам Луцию Корнелию Цинне и Гнею Папирию Карбону сенаторы запретили набирать войско, пока не придет ответ от Суллы (*App. BC.* I.78; *Liv. Per.* 83).

Послам сената Сулла заявил, что не будет другом преступников (ἀνδράσι τούτῳ ἐργασάμενοις), но не возражает, если государство даст им (матианцам) возможность спастись (πόλει δ' οὐ φθονήσειν χαριζομένη τὴν σωτερίαν ἀυτοῖς)⁵. Тем

¹ Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 178.

² Здесь и далее все даты — до н. э.

³ Иногда считается, что это то же самое письмо, которое Аппиан упоминает в Mithr. 60 (*Valgiglio E. Silla e la crisi repubblicana*. Firenze, 1956. P. 44). Но не менее вероятно, что это разные послания (*Frier B. M. Sulla's Propaganda: Collapse of the Cinnan Republic // AJPh.* 1971. Vol. 92. P. 586): в первом речь идет об отчете за Митридатову войну, во втором — о всех кампаниях Суллы.

⁴ Любопытно, что речь Флакка — одна из немногих, упомянутых эпитоматором Ливия (*Badian E. Studies in Greek and Roman History*. N. Y., 1964. P. 233. Not. 11).

⁵ Смысл этих слов неясен. Т. Моммзен пишет, будто Сулла настаивал на предании марианцев суду (*Моммзен Т. История Рима*. СПб., 1994. Т. II: С. 231—232). А. Кивни полагает, что речь идет об амнистии (*Keaveney A. Sulla: The Last Republican*. L.; Canberra, 1982. P. 122).

же, кто нашел у него приют и примкнет к нему в будущем, он обеспечит безопасность с помощью своего преданного войска. Кроме того, победитель Митридата требовал вернуть все имущество, должности и привилегии, которыми он пользовался прежде. Из «этого ответа становилось совершенно ясно, что Сулла не собирается распускать свою армию, и что он помышляет уже о тиарии (ἀλλὰ τὴν τυραννίδα ἔδη διαυούμενος» (App. BC. I.79).

Рассказ Аппиана чрезвычайно любопытен. Г. Бэкер писал, что «как Ганнибал растапливал Альпы с помощью уксуса, так и Сулла подготавливал себе почву обработкой общественного мнения в Италии»⁶. Однако подготовка эта выглядит довольно странно. Обращают на себя внимание два обстоятельства. С одной стороны, письмо Суллы «было не просто оправданием его требований. Оно представляло собой попытку отсечь циннанцев от двух их главных опор — сената и недавно обретших гражданство италийцев»⁷. Сулла реализовывал ста-ринный римский принцип *divide et impera*. С другой же стороны, он подчеркнуто не желал замечать, что командует незаконно⁸, ибо лишен проконсульских полномочий и объявлен врагом Рима (App. Mithr. 59—60; BC. I.81)⁹. Но если последнее можно было объявить незаконным, приписав давлению марианцев¹⁰, то захват Рима Суллой в 88 г. без соответствующего решения сената оправдать было невозможно¹¹. Об этом общизвестном факте Сулла также умолчал¹², а ведь именно это давало основания объявить его *hostis populi Romani*. И уж тем более вызывающим выглядело то, что Сулла собирался идти наказывать марианцев, опять-таки не испрашивая на то позволения *patres* (лишь потом он смягчил свою позицию). Любому непредвзятому наблюдателю было ясно, что именно от него исходит инициатива гражданской войны¹³. Неудивительно, что «nobили, желая мира и возвращения к нормальному положению вещей», в то же время «не испытывали особых симпатий к замыслам Суллы»¹⁴, чья *factio*, равно

Ф. Фрелих вообще считает, что в ответе сенаторам Сулла высказался насчет марианских лидеров так же жестко, как и в первый раз (*Fröhlich F. Cornelius* (392) // RE. 1901. Bd. IV. Sp. 1544). Точка зрения Моммзена и Фрелиха не подтверждается текстом источников. Что же касается гипотезы Кивни, то наряду с ней возможен и еще один вариант: речь шла о спасении жизни врагов Суллы, а не об их полной безнаказанности. Но в любом случае подразумевалось их отстранение от власти, после чего Сулла получал возможность расправиться с ними в нарушение любых обещаний.

⁶ Baker G. P. Sulla the Fortunate: the Great Dictator. L., 1967. P. 239.

⁷ Keaveney A. Op. cit. P. 119.

⁸ См.: Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium bellum primum. Firenze, 1958. P. 217. В этом плане характерен «обмен любезностями» между Суллой и Фимбрней, которые напомнили друг другу, что командуют незаконно (см.: App. Mithr. 59).

⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 231.

¹⁰ В связи с этим А. Кивни саркастически именует Суллу «so-called public enemy» (Keaveney A. Op. cit. P. 120).

¹¹ См.: Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 224.

¹² То, что в Риме об этом хорошо помнили, особо указывает Аппиан (BC. I.81).

¹³ Valiglio E. Op. cit. P. 50.

¹⁴ Frier B. M. Op. cit. P. 589.

как и factio марианцев, являла собою «меньшинство, не соблюдавшее правил игры»¹⁵. Поэтому трудно согласиться с Т. Моммзеном, который считал первое послание самозваного проконсула «сдержаным»¹⁶, и Ф. Инаром, характеризующим второе послание как «умеренное»¹⁷.

Правда, Сулла не пренебреж оправданием своих действий. Прежде всего, он выступал в защиту собственной dignitas — цель, ради которой нобили готовы были использовать любые средства и которая впоследствии стала удобным предлогом для Цезаря в его борьбе с помпеянцами (*Caes. BC. I.9.2*)¹⁸. Благовидным обоснованием выглядело и обеспечение безопасности тех, кто нашел у него приют (определенную параллель это находит в действиях Сертория и Секста Помпейя). Наконец, он брал на себя роль мстителя (*Ultor — Lucan. Phars. II.139*)¹⁹. Яркой иллюстрацией этой чисто римской идеи²⁰ является эпизод из плутарховой биографии Красса. Когда тот, отправляясь в земли марсов для набора войска, попросил у Суллы дать ему охрану, будущий диктатор гневно ответил ему: «Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных — за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!» (*Plut. Crass. 6.2—3*)²¹.

В периодах Ливия (возможно, через труд Сизенны)²² нашла отражение крайне просулланская версия событий — будто бы Сулла был готов пойти на соглашение, если восстановят в правах тех, кто бежал к нему. Сенат не возражал, но Карбон и его сторонники предпочли воевать (*Per. 84*). Весьма вероятно, что такая трактовка является не позднейшим измышлением победителей, а уже тогда распространялась среди не самой осведомленной части сограждан, подчеркивая умеренность Суллы и экстремизм его врагов, а заодно демонстрируя поддержку полководца сенатом.

Обращение со своим войском. В 85 г. Сулла завершил войну с Митридатом Дарданским миром. Условия мира были достаточно мягкими, более того, по сути, являлись договором о союзе²³. Войско упрекало Суллу в том, что он не покарал понтийского царя за резню римлян в Азии и дал ему уйти с награбленными сокровищами²⁴, однако уже в древности понимали, что Сулла спешил заключить мир, чтобы обратиться против марианцев в Италии (*Flor. III.5.11; Eutr. V.7.2*). Правда, ему пришлось убеждать собственных солдат в правильно-

¹⁵ Cassola F., Labruna L. Linee di una storia delle istituzioni repubblicane. Napoli, 1991. P. 317—318.

¹⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С. 231.

¹⁷ Инар Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997. С. 216.

¹⁸ См.: Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome. L.; Southampton, 1967. P. 57—58.

¹⁹ Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Roma, 1985. P. 139.

²⁰ Инар Ф. Указ. соч. С. 234.

²¹ Эпизод, возможно, восходящий к самому Сулле (Hinard F. Op. cit. P. 139. Not. 136).

²² Badian E. Studies in Greek and Roman History. N. Y., 1964. P. 228.

²³ См.: Гуленков К. Л. Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 59—60.

²⁴ Кроме того, воины лишились добычи в богатых городах Азии (Neumann K. Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Breslau, 1881. Bd. I. S. 568).

сти своих действий — по его словам, иначе Митридат и Фимбрин объединились бы, а с обоими ему воевать не по силам (*Plut. Sulla*. 24.4; *Gran. Lic.* 26 F), что было явной неправдой²⁵.

Хотя Сулла похвальялся в 84 г. перед сенатом, что располагает преданным войском (*στρατὸν εὖνον* — *App. BC*. I.79), он не был в нем уверен, боясь, что в Италии солдаты разбредутся по домам (*Plut. Sulla*. 27.3)²⁶. Стоило ли тогда хорониться? По-видимому, Сулла несколько бравировал, что было в его стиле, а заодно и льстил воинам. Однако вскоре армия явила ему доказательства преданности. Солдаты по собственной инициативе (*ἀφ' αὐτῶν*) поклялись не покидать своего предводителя и обещали не чинить насилий в Италии, а заодно предложили ему свои сбережения, считая, что он нуждается в деньгах. Полководец поблагодарил воинов, но отказался принять «материальное выражение их лояльности»²⁷ (*Plut. Sulla*. 27.3). Этот эпизод чрезвычайно напоминает случай из более позднего времени, когда Цезарю предложили то же самое его центурионы (*Suet. Iul.* 68.1), и он если не в тот раз, то в другой не только воспользовался их помощью, но и деловито отметил в мемуарах, что этим «займом привязал к себе центурионов, а щедростью купил расположение солдат» (*Caes. BC* I.39.4). Почему же Сулла поступил иначе? Видимо, он не хотел иметь лишних обязательств перед воинами. К тому же столь красивый жест дополнительно возвышал его в глазах солдат. Наконец, вряд ли у него была нужда в деньгах²⁸ — на сей счет воины могли и ошибаться.

Весной 83 г. Сулла разбил при Тифатской горе консула Гая Норбана. По мнению Суллы, именно благодаря этой победе его воины не разошлись по домам (*Plut. Sulla*. 27.6). Признание полководца поразительно: он лишний раз расписывается в собственном правовом нигилизме, ибо обязан был распустить войска по вступлении на землю Италии. Впрочем, трудно сказать, насколько прав был Сулла, сомневаясь в своих воинах — их поведение показывает, что он ошибался²⁹. Другое дело, что не последнюю роль в этом, вероятно, сыграло и его умелое поведение, без которого все могло обернуться по-иному.

Переманивание на свою сторону противника. Первой операцией такого рода стала нейтрализация армии Фимбрин. Сулла предпочел пойти на переговоры, во время которых солдаты марианского полководца начали переходить на его сторону. Важно отметить, что Фимбрин сам стал во главе войска, добившись его расположения и умертвив консула Валерия Флакка. Он удачно воевал, разбив Митридата при Милетополе³⁰. Тем не менее, его влияние на солдат оказалось недостаточным, чтобы противостоять агитации Суллы. Фимбрин оказался без армии и, опасаясь жестокости врага, покончил с собой. Сулла выдал его труп вольноотпущенникам для погребения, «заметив, что в этом он не будет подражать Цинне и Марину в Риме, которые многих осудили на смерть, а кроме того, лишили

²⁵ Keaveney A. Op. cit. P. 105.

²⁶ Meier Ch. Op. cit. S. 240.

²⁷ Baker G. P. Op. cit. P. 239.

²⁸ Schur W. Op. cit. S. 153. Ann. 2.

²⁹ Meier Ch. Op. cit. S. 240.

³⁰ См.: Münzer F. Flavius (88) // RE. 1909. Bd. VI. Sp. 2599—2600.

их еще и погребения» (*App. Mithr.* 59—60; *Plut. Sulla*. 25.1; *Vell. II.24.1*; *Liv. Per.* 83; *Oros.* VI.2.11). Желая выглядеть лучше своих противников, Сулла вновь покривил душой — конечно, тела некоторых жертв марианцев подвергались осквернению, но запретов на погребение не было. К слову сказать, осквернение тел казненных стало едва ли не обязательной частью «ритуала» проскрипций³¹. Тогда, впрочем, этого еще никто не знал.

Второй раз Сулла провел подобную операцию уже в Италии. После победы над Норбаном он направился к Теану, где находилась армия второго консула, Луция Сципиона. Сулла предпочел вступить с ним в переговоры. Аппиан объяснял это тем, что победитель Митридата не столько нуждался в мире, сколько надеялся на волнения в войске противника, не слишком стремившегося воевать (*отαστάσειν προσδοκώμετες αὐτῷ τὸν στρατὸν ἀθύμως ἔχοντα* — *App. BC.* I.85). Думается, что Аппиан исходит из уже происшедшего. Соглашение Сулле было нужно хотя бы для того, чтобы расколоть силы врагов, пока еще обладавших огромным перевесом (*Plut. Sulla*. 28.1). Другое дело, что полководец не исключал одновременной попытки перетянуть вражеских воинов на свою сторону³². Это ему удалось — его солдаты прекрасно справились с задачами агитаторов. Офицер Сципиона, Серторий, указывал ему на опасную пропаганду сулланцев, но безуспешно. Оба военачальника уже как будто договорились, Сципион отправил Сертория утвердить условия соглашения с Норбаном, но посланец предпочел сорвать заключение договора и захватил во время перемирия Суэссы Аврунку, державшую сторону Суллы (см.: *CIL. X.4751*)³³. Последний выразил возмущение Сципиону, тот ничего не мог объяснить и лишь выдал заложников — очевидно, в знак своей непричастности к случившемуся. Его воины, возмущенные такой податливостью и уже распропагандированные солдатами противника, перешли на сторону врага (*Plut. Sulla*. 28.1—3; *Sert.* 6.2; *App. BC.* I.85—86; *Diod. XXXVIII.16*; *Liv. Per.* 85; *Exuper. 7*). По этому поводу Плутарх привел знаменитые слова Карбона о том, что в душе Суллы живут лисица и лев, причем от лисицы ему приходится терпеть больше (*Sulla*. 28.3).

Особо следует сказать и об отдельных перебежчиках из представителей верхушки. После высадки в Италии к Сулле стали стекаться сенаторы, причем не только единомышленники (некоторое их число, как уже говорилось, было в его лагере и прежде) вроде Метелла Пия и Красса. На его сторону начали переходить те, кто прежде не был его сторонником, а то и просто относился в свое время к числу врагов: Публий Корнелий Цетег — один из тех, кого Сулла обявил *hostis* в 88 г., Луций Марций Филипп, Гней Помпей, Марк Эмилий Лепид, Квинт Лукреций Офелла, Гай Веррес, вероятно, и сам принцепс сената Луций Валерий Флакк³⁴. Ливий пишет, что к Сулле сбежалась вся знать (*nobilitas omnis* — *Liv. Per.* 85). Это, естественно, преувеличение, но оно исходит явно из

³¹ См.: *Hinard F. Op. cit.* P. 45—49.

³² Цицерон не без иронии заметил: *pacem cum Scipione Sulla sive faciebat, sive simulabat* (*Phil. XIII.2*).

³³ Характерный для того времени пример неповиновения римского «обер-офицера» полководцу (см.: *Hartmann J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n. e. P.*, 1967. P. 422).

³⁴ См. подробнее со ссылками на источники: *Hinard F. Op. cit.* P. 120—125.

сулланских кругов, которым было выгодно представить, что у них собрался цвет Рима. Возможно, что в тот момент большинство сената поддерживало Суллу³⁵. Но не все шло гладко. Когда Сулла предложил перейти к нему Сципиону, как то сделала армия консула, тот отказался. Правда, несмотря на это, он был отпущен невредимым вместе с сыном (*App. BC. I.86; Diod. XXXVIII.16*), что дало повод апологетам диктатора восхвалять его милосердие (*Vell. II.25.2*). В 82 г. Сулла предлагал принять его сторону и наместнику Сицилии Марку Перперне, но тот заявил, что вскоре высадится в Италии и освободит от осады Пренесте (*Diod. XXXVIII.14*).

Особо следует отметить два случая. В 82 г. к Сулле обратился с просьбой принять его на свою сторону Публий Альбинован. Тот согласился, но потребовал, чтобы Альбинован совершил «нечто замечательное» (*ἀξιόλογον*). Последний пригласил к себе на обед Гая Антипатра и Флавия Фимбрию, брата Гая Фимбрии, и убил их (*App. BC.I.91*). Сулла не только принял его, но даже никак не осудил его хотя бы словесно. После битвы при Коллинских воротах, решившей исход гражданской войны, три тысячи самнитов прислали к Сулле вестника с просьбой пощадить их, и тот обещал им безопасность, если они нанесут ущерб его врагам. Самниты атаковали недавних товарищей по оружию, но затем вместе с другими пленными были перебиты (*Plut. Sulla. 30.1—3*). Нужно отметить, что марианцы столь нечистоплотных методов не применяли.

Сулла и италийцы. Как уже говорилось, в послании сенату Сулла обещал безопасность (*προύλεγεν οὐδεὶν μέμφεσθαι περί οὐδενὸς*) новым гражданам (*μετοπίτας*), т. е. италийцам, что, очевидно, подразумевало и сохранение за ними гражданских прав (*App. BC. I.77*). Но этого было явно недостаточно. Они считали Суллу врагом, идущим против своего отечества (*I.82*). Гражданские права они и без того уже получили, а поддержка Суллы не избавила бы их от тягот войны. К тому же италийцы не могли забыть о его действиях против них в годы Союзнической войны. По окончании борьбы с марианцами он мог не выполнить своих обещаний³⁶. Не исключено, наконец, что пассаж о гарантии италийцам их прав отражает не реальный факт, а версию мемуаров Суллы, откуда он попал в труд Аппиана³⁷. С другой стороны, и Карбон был настолько не уверен в италийцах³⁸, что захотел взять заложников из их городов, но сенат воспрепятствовал ему (*Liv. Per. 84*). Думается, что одной из причин, толкнувших его на столь неразумный шаг, была и пропаганда Суллы³⁹.

³⁵ Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н. э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 136.

³⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С. 233.

³⁷ Badian E. Op. cit. P. 226.

³⁸ Италийцы действительно проявили в ходе начавшейся войны меньшую активность, чем можно было бы ожидать, но главной причиной этого было, видимо, то, что марианцы не спешили уравнять их в правах с римлянами (см.: Gabba E. Mario e Silla // ANRW. 1972. Tl. 1. Bd. 1. P. 797—798).

³⁹ Neumann K. Op. cit. S. 575; Keaveney A. Op. cit. P. 129.

Весной 83 г. Сулла высадился в Италии, в Брундизии, который впустил его без боя. За это город получил свободу от податей (*ἀπέλειαν — App. BC. I.79*)⁴⁰, что должно было побудить к лояльности и другие итальянские общины⁴¹. Затем он двинулся через Калабрию и Апулию⁴² в Кампанию, воздерживаясь от грабежей и насилий (*Vell. II.25.1; ср.: Plut. Sulla. 27.3*)⁴³, что также должно было привести соответствующий эффект. До сражения при Тифате в Кампании военных действий как таковых практически не было. По словам Веллея Патеркула (II.25.1), Сулла выглядел не как зачинщик войны, а как провозвестник мира (*non belli vindicem, sed pacis auctorem*).

Но уже летом 83 г. Сулла начал разорять земли тех, кто не покорился ему. В то же время он стал направлять вербовщиков к итальянцам, «действуя дружелюбным обхождением, страхом, деньгами, обещаниями (φιλίᾳ τε καὶ φόβῳ καὶ χρήματα καὶ ἐλπίσιν ἀγείρων» (*App. BC. I.86; Plut. Crass. 6.2—3*). По-видимому, тогда же, накануне кампании 82 г., Сулла заключил договор с племенами полуострова о том, что сохранит за ними права гражданства и распределит по 35 трибам (*Liv. Per. 86*)⁴⁴. Очевидно, лишь теперь он осознал необходимость их поддержки — вербовка среди итальянцев провалилась, тогда как марианцы значительно усилили свою армию за счет итальянских контингентов⁴⁵. Любопытно, что самниты выжидали до последнего момента и выступили лишь в самом конце войны, но в битве при Коллинских воротах были разгромлены. Теперь, когда победа была уже одержана, Сулла мог позволить себе действовать без оглядки на последствия и перебрасывать пленных.

Религиозная пропаганда. Сулла был, по-видимому, первым римским полководцем (может быть, не считая Сципиона Африканского), который стал сознательно стремиться к репутации человека, связанного с богами⁴⁶. Не стали исключением и события 83—82 гг. В Таренте он приносил жертвы, и на печени жертвенного животного будто бы обнаружились очертания лаврового венка и двух лент, что предвещало победу⁴⁷. Позднее, по его собственным словам, ему явился раб некоего Понтия, возвестивший ему от имени Беллоны победу, но призвавший поторопиться, пока не сгорел храм Юпитера Капитолийского (*Plut. Sulla. 27.6*). Кроме того, после сражения при Тифате Сулла в благодарность передал храму Дианы, которой была

⁴⁰ Точнее, от портория (*Henderson B. H. The Grant of Immunitas to Brundisium // CIR. 1897. Vol. 11. P. 251—255*). Аналогичные льготы Сулла предоставлял городам Малой Азии (*Gabba E. Commentio. P. 213*).

⁴¹ *Индр Ф.* Указ. соч. С. 223; *Keaveney A.* Op. cit. P. 129.

⁴² И, видимо, Самний (*Schur W.* Op. cit. S. 161; *Frier B. M.* Op. cit. P. 598).

⁴³ Это контрастирует с безобразиями воинов Суллы в Азии (*Plut. Sulla. 25.2; Harmand J.* Op. cit. P. 227—278), но надо учитывать, что они имели место уже *после* войны с Митридатом.

⁴⁴ Э. Габба относит это соглашение к 83 г. (*Gabba E. Commentio. P. 207*). Следует уточнить: в самом конце 83 г. или даже в начале 82 г., ибо, судя по тексту Ливия, это произошло пред самым началом кампании 82 г., во всяком случае, после консульских выборов на 82 г.

⁴⁵ *Schur W.* Op. cit. S. 166; *Индр Ф.* Указ. соч. С. 234.

⁴⁶ *Carcopino J.* Sylla ou la monarchie manquée. P., 1947. P. 99—100.

⁴⁷ Ср. эпизод с военным трибуном, вынесшим венок Сулле накануне битве при Херонее (*Plut. Sulla. 17.5—6; Carcopino J.* Op. cit. P. 103).

посвящена эта местность, лечебные источники (*Vell. II.25.4; CIL IX.3828*)⁴⁸. С одной стороны, это было проявлением благочестия, с другой — кощунства, ибо речь шла о победе над соотечественниками. Но Сулла знал, что делал: он создавал себе имидж человека, которому помогают боги (доказательство — его успехи) и который не забывает воздать им должное, не приписывая все исключительно собственным заслугам (см.: *Plut. Sulla* 6.3—7).

Заключение. Сулла показал себя мастером психологической войны, хотя и не всегда действовал безупречно с pragматической точки зрения. Его методам был присущ авантюризм — он не слишком стремился к соглашению, выдвигая явно неприемлемые требования, грубо нарушал закон, почти открыто отказываясь распустить армию, до поры до времени не слишком заботился о поддержке со стороны италийцев. Но своего Сулла достиг, и не в последнюю очередь — благодаря жившей в нем лисице (но более всего, впрочем, благодаря ошибкам марианцев). У многих древних авторов сложилось впечатление о том, что до окончания гражданской войны Сулла «был мягче справедливейшего»⁴⁹, но после победы — неслыханно жесток» (*ut dum vincit, mitis ac iustissimo lenior, post victoriam audito fuerit crudelior*) и «являл собою пример наивысшей двойственности и противоречивости духа» (*credo ut in eodem homine duplicitis ac diversissimi animi conspiceretur exemplum*) (*Vell. II.25.3*), не сумев «перенести своего счастья» (*Dio Cass. XXXIII.109.2*). Эти воззрения оказали влияние и на некоторых современных историков, которые считают, что нельзя рассматривать предшествующие действия Суллы «через искажающую призму проскрипций»⁵⁰. Как показывают приведенные факты, он и прежде далеко не всегда действовал «мягче справедливейшего» — достаточно вспомнить взятие Рима в 88 г., историю с Альбинованом и самнитами, которых он вынудил нанести удар в спину своим, а затем вероломно перебил. Когда во время выступления Суллы через два дня после битвы при Коллинских воротах сенаторы, услышав крики избиваемых, в ужасе повскакали с мест, он бросил свою знаменитую циничную фразу: *Нос agamus, patres conscripti, seditiosi pauculi meo iussu occiduntur* (*Sen. De clem. I.12.2; Plut. Sulla* 30.3). Тут уж самому недогадливому стало ясно, что произошла смена тиранов, а не падение тирании» (*Plut. Sulla* 30.4). «Ведь (Сулла) делал то, в чем обвинял других, пока был слаб» (*Dio Cass. XXXIII.109.2*). Это будет чуть позже, но контуры угадывались уже в событиях более ранних.

⁴⁸ По мнению Ф. Инара, тогда же Сулла отчеканил и пустил в обращение монету с изображением богини Ромы в шлеме на аверсе и своим собственным, на триумфальной колеснице, увенчиваемым летящей Викторией, на реверсе — первое изображение римлянина на монете при его жизни (Индр Ф. Указ. соч. С. 228—229). Однако более вероятно, что эта чеканка имела место в 82—81 гг. (см.: *Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 123. № 756*).

⁴⁹ Обзор традиции о «милосердии» Суллы см.: *Dowling M. B. The Clemency of Sulla // Historia. 2000. Bd. 49. P. 303—340.*

⁵⁰ *Keaveney A. Op. cit. P. 89.*